

Старик Лю был из старшего поколения, и Лю Яоцин, как хозяин, дал ему немного больше ягод, а также помог с посадкой.

Наконец, дошла очередь до старшей ветви семьи.

В тот день, когда Лю Яоцин связал их и привёл, вся деревня видела, как Лю Цюаньфу и младшая Ли-ши тянули время, почти не работая, а Лю Яочжун стыдился так сильно, что не мог поднять глаз и работал изо всех сил.

Когда раздавали ягоды, Лю Яоцин чётко объяснил, что Лю Цюаньфу и младшая Ли-ши заработали только один куст ягод, а остальное было заслугой Лю Яочжуна. Это было сделано для того, чтобы старик Лю понял и перестал жаловаться.

Маленькие саженцы, которые специально держали в доме, становились всё больше. Лю Яоцин разглядывал нарисованную им самим простую карту и размышлял:

— Чжэцзы-гэ, как думаешь, куда лучше посадить эти саженцы?

— Может, на плодородной земле? — Чжэцзы-гэ беспокоился, что саженцы не приживутся.

Карта была слишком простой, и Лю Яоцин долго не мог найти подходящее место, поэтому сказал:

— Чжэцзы-гэ, давай потом сходим к реке, накопаем песка, и ты поможешь мне сделать макет. Я думаю, этим саженцам не нужна плодородная земля, просто найдём ровное и удобное место.

Все деньги ушли на покупку земли, и ещё половина суммы оставалась в долгах. Поэтому, по мнению Лю Яоцина, можно было попросить Су Ци и других помочь посадить саженцы, а если не будет дождя, немного полить. Этого было достаточно.

Но на этот раз Чжэцзы-гэ не согласился полностью с Лю Яоцином и сказал:

— Цин-гэр, как насчёт того, чтобы посадить половину на пустоши, а другую половину на плодородной земле?

Чжэцзы-гэ хотел учесть мнение Лю Яоцина, но не хотел, чтобы все саженцы росли на бедной земле.

— Хорошо, пусть будет так, — кивнул Лю Яоцин, чувствуя внутри что-то тёплое и сладкое, как будто выпил большую чашку сладкой воды.

Решили действовать сразу. Саженцы разделили на две части, и Лю Яоцин вместе с Юй-гэром, Син-гэ, Су Да, Су Эр и Су Сань посадили их на пустоши у дома Чжэцзы. А Чжэцзы-гэ и третий дядя Цинь с остальными посадили оставшиеся на их лучших полях.

Лю Яоцин просто выкопал канавки, посадил саженцы, полил их и прикрыл корни. А Чжэцзы-гэ специально нашёл удобрения, выкопал большие канавки, полил саженцы и накрыл их соломой, чтобы защитить от солнца.

Две горсти семян превратились в густую рассаду, которую затем рассадили на большой площади, но по сравнению с арендованными горами это было каплей в море.

Лю Яоцин присел отдохнуть на краю поля, его руки были в крови и содраны, поэтому его не пускали дальше работать, сказав, что остальное сделают за день.

Эр Ха бегал туда-сюда, даже перепрыгивал через сажены, и в воздухе он выглядел как в замедленной съёмке, глуповато.

— Хэйбэй, иди сюда, — Лю Яоцин поманил Хэйбэя, который лежал вдалеке, как старик. Когда тот подбежал, он погладил его по животу и тихо сказал. — У вас, ребята, наверное, много всего интересного в животе. Когда ещё что-нибудь выдадите...

Хэйбэй, потеревшись головой о руку Лю Яоцина, бросился к Эр Ха, который пытался грызть ягоды, и зарычал на него. Оба щенка побежали обратно.

Когда всё было закончено, Лю Яоцин подумал, что можно немного отдохнуть, но тут вернулся Гао Фугуй.

Та же пёстрая лошадь, та же повозка, остановившаяся у дома Лю. Гао Фугуй с любопытством заглянул внутрь, но не почувствовал прежнего запаха.

Услышав, что Лю Яоцина нет дома, лошадь побежала дальше, прямо к дому Чжэцзы. На этот раз Лю Яоцин был там, сидя во дворе и купая Эр Ха.

Щенок лежал в тазу неподвижно, и, если бы не его мягкое тело, можно было подумать, что он мёртв. Лошадь чуть не испугалась, подумав, что эта семья ест мёртвых собак.

— Пей по глотку в день, и доживёшь до девяноста девяти. Три дня без вина — и жизнь прошла зря, — Гао Фугуй держал в руках простую чашку, в которой плескалось красное, как нефрит, вино из диких ягод. — Мой старый дядя, выпив несколько дней «Нектара небожителей», вдруг отрастил несколько чёрных волос. Удивительно, правда? Сейчас в окружном городе за «Нектар» готовы платить любые деньги, но в этом году его больше нет.

С тех пор как в городке распространились слухи о «Нектаре», здоровье Гао Фугуя улучшилось, и многие стали искать дикие ягоды. Странно, но найти их нигде не удалось, только у подножия горы в деревне Шангу.

Раньше ягоды росли там, маленькие и невзрачные, с колючими ветками, и никто на них не обращал внимания. В деревне Шангу к ним привыкли, но никто не знал, что больше их нигде нет, это было уникальное место.

Если перерождение Лю Яоцина не было случайностью, то и эти ягоды, вероятно, тоже.

Но это были лишь догадки, и Лю Яоцин решил об этом не говорить. Он встал и сказал:

— Поговорите, а я пойду распоряжусь.

Решив, что Син-гэ позовёт Ли-ши готовить еду, Лю Яоцин подошёл к воротам и увидел, как Ли-ши идёт впереди, а за ней, с радостными лицами, следуют младшая Ли-ши и Лю Цюаньфу.

Лю Цюаньцзинь, вероятно, был в поле, и Лю Яоцин не послал Син-гэ за ним. Старик Лю, увидев, как Син-гэ зовёт Ли-ши, понял, что она идёт помогать Чжэцзы. Пришли ли Лю Цюаньфу и младшая Ли-ши сами или по указанию старика, Лю Яоцин пока не знал.

Подойдя к воротам и увидев Лю Яоцина, Лю Цюаньфу улыбнулся и сказал:

— Твоего отца нет дома, я пришёл посмотреть, чем могу помочь.

— Я тоже пришла помочь, твоя мама одна справляется, а рук всё равно мало, — младшая Ли-

ши закатала рукава и сделала шаг к двору.

Лю Яоцин преградил ей путь и, кивнув Ли-ши войти, сказал:

— Если вы действительно хотите помочь, идите к тем, кто приехал, здесь моя мама справится.

Там были кучер и лошадь. Третий дядя Цинь уже отнёс лошади сено и воду, а кучеру поставили отдельный стол с маленькой тарелкой арахиса и чашкой вина из диких ягод. Вино уже было выпито, а арахис остался.

Лю Яоцин хотел, чтобы младшая Ли-ши занялась лошадью, а Лю Цюаньфу поговорил с кучером.

Оба неохотно согласились.

Не обращая на них внимания, Лю Яоцин вошёл в кухню и велел Ли-ши смешать грубую муку с водой, чтобы получилось густое тесто. Смазав сковороду маслом, вылили ложку теста и, покрутив сковороду, получили золотистую лепёшку. Её перевернули, поджарили и сняли.

Все имеющиеся овощи нарезали, поджарили яйцо, добавили овощи и, обжарив, завернули в лепёшку. Затем её снова поджарили до золотистого цвета и положили на маленькую деревянную подставку.

Если бы не знать, что это еда, можно было подумать, что это что-то другое.

На каждую подставку положили по одной лепёшке, а остальные блюда приготовили как обычно для праздничного стола. Лепёшки без начинки положили в корзину, и только что приготовленные, ещё горячие, источали сладкий аромат зерна. Их можно было есть и без ничего.

Когда стол был накрыт, Гао Фугуй сначала удивился, а потом начал есть с удвоенной скоростью.

— Вкус овощей сохраняется внутри, корочка хрустящая, а внутри ароматно. Хорошая еда, — сказал Гао Фугуй, беря ещё одну лепёшку. Остальные блюда его уже не интересовали.

— Как думаешь, если я начну продавать это? — Лю Яоцин взял лепёшку без начинки, развернул её, положил внутрь овощи и откусил. — Так удобно есть, и если высушить, можно хранить долго. Когда захочешь поесть, просто сбрызни водой.

Маньтоу и лепёшки, если высушить, тоже можно хранить долго, но есть их потом будет сложно, как камень. А вода? Вряд ли поможет.

— Из грубой и тонкой муки можно делать лепёшки, — Лю Яоцин загадочно улыбнулся. — Обычно мы едим грубый рис, что царапает горло, но если перемолоть его в муку и сделать лепёшки, они станут мягче... А если поджарить, будут хрустящими...

Гао Фугуй доел ещё одну лепёшку и сказал:

— Вряд ли на этом много зарабатываешь.